

Лу Цзыяо еще никогда не слышал у пухляша такого слабого, изможденного голоса. Он тут же похлопал его по плечу, прося опустить на землю, чтобы бежать самому.

— Еще немного поотдыхаешь — и я тебя брошу, — не соглашался опустить его седьмой принц.

Лу Цзыяо почувствовал, что к ногам вернулась чувствительность, и уже собирался вырваться и спуститься, как вдруг в тишине ночи раздался стук копыт. Эхо отскакивало в пустоте, из-за чего казалось, будто лошади скачут со всех сторон.

Пока топот копыт приближался на скорости, многократно превосходившей их собственный бег, седьмой принц уже сжал Лу Цзыяо в охапку и юркнул с ним в низкие кустарники у дороги.

Лу Цзыяо и не подозревал, что лошади способны скакать так быстро.

Всадники стремительно приближались, и он молился про себя, чтобы они пронеслись мимо на той же бешеной скорости.

Затаившись в зарослях, они слышали, как прямо перед ними действительно промчались первые кони, а за ними раздался оглушительный дробный гул нескончаемого табуна.

Лу Цзыяо сжал кулаки, страстно желая, чтобы этот шум затих вдалеке, но вдруг раздалось громкое ржание натянувших поводья лошадей.

— Следы пропали! — возглавлявший отряд офицер соскочил с коня, поднес к песку огниво, внимательно осмотрел землю и громко подтвердил: — Следы обрываются!

У Лу Цзыяо похолодели руки и ноги, сердце заколотилось в груди.

Вдруг у самого уха раздался сиплый шепот седьмого принца:

— Пробежишь еще две ли, покажешь поясную дощечку, потребуешь лучшую лошадь и скачи в столицу к второму брату.

Едва Лу Цзыяо понял, что задумал пухляш, он протянул руку, пытаясь схватить того за полу одежды, но не успел — тот выскочил из укрытия с молниеносной скоростью.

Один из солдат семьи Тун, оказавшийся рядом с кустами, от удара ножами полетел с седла.

А затем, будто пшеница под порывом ветра, целая шеренга всадников с грохотом посыпалась на землю. В строю из более чем сотни отборных кавалеристов образовалась брешь, и все они могли лишь беспомощно наблюдать, как фигура юноши взвилась на боевого коня, натянула поводья и рванула в сторону северной пустыни.

В то же мгновение кавалеристы развернули коней и устремились в погоню; даже сбитые с ног воины вскакивали на лошадей своих товарищей и доставали из-за спины луки.

Под оглушительный топот копыт и клубы поднявшейся пыли свыше сотни всадников помчались вслед за седьмым принцем.

Непрестанное ржание коней заглушило отчаянный плач Лу Цзыяо, затерявшийся в ночном небе северо-запада.

Седьмой принц в одиночку увлек за собой первую волну преследователей. Лу Цзыяо, всхлипывая, утер слезы, сжал зубы и, поднявшись, спотыкаясь и падая, побежал к почтовой

станции в двух ли отсюда.

Нужно убраться до того, как стражники объявят о его розыске, иначе у пухляша больше никого не останется, на кого можно было бы положиться.

Он бежал, падая и поднимаясь, с застывшим, до нелепости онемевшим выражением лица.

Эта онемелость была ему необходима, чтобы заглушить слышавшийся только что свист стрелы, рассекающей воздух.

Нет, не может быть.

Третий принц не осмелится допустить гибель седьмого принца на границе. Даже если кто-то из солдат и выстрелил, то лишь чтобы напугать.

Да и к тому же в такой тьме все равно не попасть.

Он беспрестанно успокаивал себя — если задумываться глубже, то сил не останется вовсе. Ему нужно выжить, вернуться в столицу и привести подмогу, чтобы вызволить пухляша и как следует его отчитать.

Он слишком избаловал пухляша, раз тот вырос таким своенравным и дерзким, что рискует жизнью ради какого-то сопровождения!

Вот именно потому, что он был к нему чересчур добр, этот сорванец и заставил Лу Цзыяо испытывать эту невыносимую, терзающую душу боль.

Нельзя сдаваться! Лу Цзыяо мчался во весь дух, задыхаясь от слез: на этот раз он ни за что не спустит паршивцу эту выходку!

*

Пятый принц прождал на другом берегу реки три дня, но киданьские послы так и не прибыли вместе с киданьским принцем, чтобы обменять его.

Стражники и слуги, приносившие еду, стали относиться к нему без прежнего почтения. К счастью, он не понимал по-киданьски и не знал, какими оскорбительными словами его осыпали.

На следующий день в полдень киданьский военачальник, говоривший по-ханьски, с мрачным видом вошел в шатер, без лишних церемоний уселся со скрещенными ногами у низкого столика и глухо произнес:

— Столько времени пройти не могло. Условия можно обсудить, переправившись через реку. Император Великой Ци слишком коварен.

— Да вы сами, чёрт возьми, коварные! — тут же взорвался пятый принц. — Выставить собственного Правителя киданей преклонных лет в качестве наживки, чтобы заманить моего венценосного отца в засаду! У вас вообще есть хоть капля уважения к государю и отцу?!

— Наш Владыка — великий герой. Даже если он проживет еще сто лет, он не побоится в одиночку заманить врага вглубь своей земли, — мрачно посмотрел на пятого принца киданьский генерал. — Вы забрали нашего принца. У Императора Великой Ци семеро сыновей, а у нашего Правителя киданей — лишь один принц. А теперь вы нарушаете обещание. Вот это

и есть коварство.

Пятый принц мгновенно лишился дара речи.

Слова киданьского генерала о том, что у Императора Великой Ци семеро сыновей, внезапно заставили пятого принца осознать: а не бросил ли его отец? Не хочет ли он спровоцировать киданей на смертельный бой?

В этот момент он не почувствовал разочарования, а вместо этого в его голове закружились сумбурные мысли: обменивая отца обратно, стоило бы выставить какие-нибудь условия... Например, умолить отца отпустить его матушку-наложницу из дворца, чтобы она снова стала свободным соколом, парящим в небесах.

Тогда он не только спас бы отца, но и выручил матушку, и его жертвоприношение оказалось бы очень даже выгодным.

Старший брат наверняка похвалит его за храбрость и решительность. В ключевой момент он покажет себя надежнее, чем любимчик старшего брата — Седьмой.

«Раньше я недооценивал пятого», — так скажет старший брат, подумал пятый принц. Для него это была бы высшая похвала.

*

В полдень начала лета знойное солнце уже высушило целые заросли кустарника, и лишь кактусы стойко впитывали в себя обжигающий зной, способный сварить яйцо всмятку.

Пара ног, еще прошлой ночью бывших быстрыми и ловкими, теперь медленно шаг за шагом ступала по песку. На носке левого сапога образовалась дыра, сквозь которую виднелся белый носок с темными пятнами запекшейся крови.

Седьмой принц поднял голову, взглянул на солнце, а затем оглянулся на свои следы, которые постепенно засыпало и сглаживало песком.

Преследователи больше не гнались за ним.

Лишь благодаря непроглядной тьме прошедшей ночи захваченная им лошадь смогла увести всадников в сторону.

Он расслабился, оперся руками о колени и уселся прямо на горячий песок, нещадно обжигавший ягодицы.

Согнутая левая рука тут же отозвалась ноющей резкой болью; он чувствовал, как теплая кровь сочится из раны, оставленной стрелой.

Седьмой принц правой рукой попытался развязать длинный платок на левом предплечье.

Прошлой ночью перевязка вышла слишком торопливой, нужно было развязать и затянуть покрепче. Смягчая боль терпением, он распутал мертвый узел, слегка потянул — и судорожно втянул воздух.

Кровь на повязке засохла и прикипела к ране, так что подступиться было невозможно.

Не в силах терпеть боль, седьмой принц перестал теревить рану. С тихим стуком он упал

навзничь на землю и принялся жалобно всхлипывать и хныкать. Голос его звучал так жалостно, что, будь здесь Лу Цзыяо, он бы не раздумывая пообещал сварить ему еще пару кувшинов молока.

Но Его Высочество похныкал лишь ненадолго и затих, вспомнив, что рядом нет никого, кто оценил бы его капризы.

Карие глаза на пыльном лице замерли, безучастно уставившись в чистое синее небо.

Если бы Лу Цзыяо находился сейчас рядом, он обязательно заметил бы, что под прямыми лучами солнца глаза Его Высочества приобретают восхитительный янтарно-золотистый оттенок. И от этого даже чумазая пухлая рожица принца переставала казаться такой уж несносной.

— Ваше Высочество, будете молоко? — из-за сильного обезвоживания детский голос седьмого принца прозвучал совсем сипло.

Он хотел произнести эту фразу еще раз, чтобы утешить себя, но смог вытолкнуть лишь первый звук и больше не издал ни слова.

Никто не предупредил этого изнеженного маленького принца, что если продолжать так лежать, то даже если не погибнешь от стрелы кавалериста, сгинешь от жажды.

Спасла седьмого принца громко заурчавшая утроба.

Так или иначе, Его Высочеству требовалось добыть еды.

Больше всего на свете ему хотелось пиалу молока и курицу по-нищенски, приготовленную Лу Цзыяо.

Ведомый тоской по еде, седьмой принц выбрался из пустоши и побрел к заросшей сорняками долине.

У подножия северной горы над полуразрушенным храмом Бога земли неожиданно вился белый дымок.

Живот седьмого принца первым догадался, что этот дымок предвещает свежеприготовленное кушанье, и заурчал еще более безумно.

— Ладно-ладно, я понял, — недовольно прошептал Его Высочество, вступая в переговоры с собственным животом. — Если там нет стражников, я обязательно отберу еду для тебя. А пока потише!

Но живот, видимо, не слишком верил обещаниям седьмого принца и завел свою руладу с удвоенной силой.

— Будешь и дальше вопить — вообще ничего не получишь, — пригрозил ему Его Высочество, хотя сам до безумия хотел есть.

Живот, похоже, понял, что его урчание сорвет хозяину дерзкое похищение, — ни один вор не ходит с сиреной на поясе.

Хочешь поесть — соблюдай тишину, поэтому живот постепенно обиженно затих.

Так что спустя мгновение ни один из пятерых мужчин в ветхом храме не заметил, что за ними наблюдают. Зато седьмой принц уже успел рассмотреть каждое лицо.

Эти люди не были ни солдатами, ни евнухами, да и на сопровождение они похожи не были.

<http://bllate.org/book/18379/1767146>